

МАРИЯ ИГНАТЬЕВА

[185]

ИЛ 4/2018

Жизнь и стихи Хуана де ла Крус

Эту публикацию мы готовили вместе с К. Я. Старосельской. В тот день, когда я дописывала статью, рассказывая о смерти Хуана де ла Крус, Ксения Яковлевна ушла из жизни. Посвящая ее светлой памяти это предисловие.

Однажды ночью Дон Кихот напал на обоз, в котором везли покойника в сопровождении священнослужителей из городка Баэсы, где тот почил, на фамильное кладбище, в Сеговию. Идальго, возмущенный отказом “сопровождающих в балахонах” отвечать на его расспросы, поколотил несчастных: они запутались в рясах и потому не сумели убежать от безумца. В результате бессмысленного побоища Дон Кихот потерял передние зубы и за свой обезображенный вид получил от Санчо Пансы звание “Рыцарь печального образа”.

Существует правдоподобная догадка, что сюжет о тайной похоронной процессии был порожден реальной историей, случившейся в 1593 году, когда Сервантес жил в этих краях в Андалусии. Знатная дама Ана де Пеньялоса пожелала похоронить своего духовника, Хуана де ла Крус, в Сеговии. Городок Убеда, где умер Хуан, не соглашался расстаться с реликвией, и тело перевезли ночью, чтобы избежать возможного сопротивления горожан.

Хуану де ла Крус (1542—1591), или в версии, принятой у богословов и философов, — Иоанну Креста, этому тихому человеку, никогда не давали покоя: ни при жизни, ни после смерти. Разве что в России его имя было погребено волнами идеологического террора, и лишь во время позднесоветского отлива робко вернулось, пусть и в транслитерационной маскировке. Хуан всю жизнь искал уединения и созерцания, но обстоятельства постоянно побуждали его к энергичным действиям. Сама эта не очень долгая жизнь полна не абсурдных, донкихотовских, а осознанных подвигов и приключений, и вызывает не меньшее восхищение, чем его удивительные творения.

Деятельный испанский монарх Филипп II (1556—1598), во время царствования которого жил Хуан де ла Крус, правил первой державой тогдашней Европы. Имперское внешнее величие и чудовищная нищета внутри государства представляли собой тяжелое, но возвышающее обрамление для короткого века среднего испанца той эпохи. Испанец воспринимал свою жизнь в контексте великой истории: он бился и погибал за земли испанской короны на четырех континентах, он защищал католическую церковь от ереси протестантизма, он же нес ее учение в языческие новооткрытые земли. Как пишет Хосе Мария Хавьерре в биографической книге “Иоанн Креста: предельный случай”, духовная работа нашего поэта-богослова “была частью этой

вселенской утопии... он отказывается решать мелкие проблемы христианского поведения, его не интересует морализаторская проповедь: брат Иоанн занимается лишь тем, чтобы понять, каков правильный ответ человека на высшее божественное предложение дружбы. Ни больше и ни меньше... Бог ждет, и Иоанн желает знать, 'что мы с Ним будем делать'".

У Хуана не было детства: уже с младенчества — сначала на руках у матери, а затем и самостоятельно шагая — он вынужден был просить подаяние. Он рано потерял отца, чьи состоятельные родственники отказались помогать нежеланной невестке — безродной ткачихе, имевшей, возможно, позорные, по тогдашним представлениям, мавританские корни. В городке Медина-дель-Кампо, где наконец устроилась мать с двумя сыновьями (другой брат Хуана умер от голода), мальчика поместили в приют для бедных. Здесь он не только учился грамоте и ремеслам — ему приходилось прислуживать на похоронах, работать санитаром в больнице для сифилитиков, ходить с протянутой рукой, собирая на содержание приюта. Учился он прилежно, так что позднее смог пройти курс гуманитарных наук в иезуитском колледже и получить превосходное богословское образование в университете в Саламанке, после того как в двадцать один год принял монашеский постриг в ордене кармелитов.

Перед окончанием университета он решает перейти в орден картузианцев, чей устав безмолвия и одиночества больше соответствовал его внутреннему устройству. Однако именно в этот момент в Медине появляется монахиня Тереза Йепес, впоследствии прославленная Католической церковью как святая Тереза Авильская. Ей пятьдесят два года, Иоанну — двадцать пять. Она находится в самом разгаре затеянной ею реформы кармелитского ордена: суть реформы в возвращении к первоначальному уставу X века, более строгому, отчего и монахини называются "босоногими" (они весь год ходят в плетеной обуви на босу ногу) в противоположность "обутым", живущим по более мягкому, осовремененному уставу.

В 1567 году Тереза ищет тех, кто был бы готов начать мужское "босоногое" монашество. Ей указывают на студента, известного своими аскетическими подвигами, академическими познаниями и смиренным нравом. Достало одной беседы через решетку в кармелитском монастыре, чтобы Хуан согласился последовать за Терезой и встать у основания мужских монастырей. Он до конца дней сохранит верность реформе и ее родоначальнице: и тогда, когда от него пытками будут требовать отречения, и тогда, когда она сама станет его духовной дочерью, и тогда, когда она предпочтет ему другого духовника.

Во всех монастырях, где учили Тереза и Хуан, будет царить дух особой трезвости и рассудительности. Великие мистики, эти двое будут проливать чернила и пот, чтобы оградить своих учеников от чрезмерного умерщвления плоти и психопатического визионерства. "Все видения, откровения и милости Неба не стоят и одного смиренного поступка", — напишет Хуан де ла Крус в одном из трактатов.

Успех терезианской реформы вызвал зависть в среде "обутых" кармелитов. В монастыре Святого Иосифа в Авиле, под присмотром орденского инспектора, проходят выборы настоятельницы: большинством голосов избирают Терезу. Инспектор объявляет выборы недействительными, лишает

возмутившихся сестер причастия. Хуана де ла Крус, духовника обители, обвиняют в подстрекательстве к бунту, и онажды ночью “обутые” врываются в монастырский скит, где живут братья Хуан и Эрман, хватают их и тайно увозят в неизвестном направлении. Узнав о похищении, Тереза пишет письмо королю с мольбой разыскать и освободить Хуана: “Лучше бы он оказался в руках у мавров, потому что они, пожалуй, были бы помилосерднее”.

Хуан де ла Крус оказался в монастырской тюрьме в Толедо. Условия содержания были чрезвычайно суровы. Тюремная келья, в которой прежде располагалось отхожее место, напоминала могилу: каземат два метра в длину и полтора в ширину. Несколько досок вместо кровати, табуретка для молитвенника, нужник, узкое оконце наверху, едва пропускающее свет. Первые шесть месяцев Хуан носит ту же одежду, в которой его схватили. Келью не проветривали. Невероятно, каким образом ему удалось не только терпеть без ропота свое положение, но и после, уже на свободе, ни разу не упрекнуть своих тюремщиков. “Они делали то, что считали правильным”. Он ест в братской трапезной, стоя посредине на коленях, пока другие ужинают за столами. Кормят его водой и хлебом и изредка дают две сардины. Каждую пятницу после трапезы его бьют плетью по голой спине ровно столько, сколько длится чтение 50-го псалма. Голод, побои, психологические пытки — братья нарочно громко говорили о провале реформы, стоя под дверью тюремной клетки, — не сломили дух подвижника. Хуана пытались и обольстить: в обмен на отречение сулили настоятельство в богатом монастыре, просторную келью, ценную библиотеку и даже золотой крест. Хуан непреклонен: “Тому, кто ищет нагого Христа, незачем золотые украшения”.

Однако, к счастью, в мае сменили охранника: сторожить узника поставили молодого монаха по имени Матеи. Проникшись сочувствием и уважением к арестанту, стражник стал помогать ему: поделился своей одеждой, по ночам позволял пройтись по соседнему с кельей залу, для этого он немного ослаблял замки на кандалах. Однажды Матеи спросил Хуана, чего бы ему хотелось. Тихий ответ Хуана звучит сквозь века, вызывая счастливое эхо будущего: “Немного бумаги и чернил”.

На принесенных листках Хуан записал стихи, которые складывал в уме долгие месяцы заключения. Это были “Романсы о Святой Троице”. Цикл состоит из девяти стихотворений, посвященных тайне Боговоплощения: от Превечного совета до Рождества Христова. Этот своеобразный катехизис в стихах, на первый взгляд, — всего лишь зарифмованный пересказ первой главы Евангелия от Иоанна. Нехитрый размер, повторяющаяся рифма на “ía”, подобная русскому суффиксу — “ил” (говорил). Однако весь цикл скрепляет и определяет глубоко личная тема Хуана де ла Крус, которой пронизаны его учение, поэзия и поступки: ответ человеческой души на божественную любовь. В романах последовательно рассказывается о том, как Отец родил Сына и так соединился с человеком, — затем, чтобы и человек смог соединиться с Богом через ответную любовь.

“Романсы о Святой Троице” — это богословие в стихах, но завершает его живой деревенский вертеп: Мария выходит с младенцем на руках. Это первое стихотворение в предлагаемой подборке. Уже здесь можно отме-

тить важное свойство поэтики Хуана де ла Крус: безыскусная простота изложения делает естественными парадоксальные образы, как будто поэтическому слову проще вознестись до высоких тайн вероучения и выразить их через неожиданные сочетания обыденных слов. Парадокс заключается в том, что жених и невеста покидают брачный чертог, при этом невеста не сет на руках своего Жениха-Младенца.

В тюрьме родились первые строфы и самого значительного поэтического сочинения Хуана де ла Крус: “Духовной песни” (перевод первой редакции “Песни”, выполненный А. Гелескулом, был опубликован в “Иностранной литературе”, 1993, № 11). Это оригинальное многострочное переложение Песни Песней, библейского рассказа о любви Бога и человеческой души.

Сильнее физических мучений, пережитых в заключении, были для Хуана муки душевного свойства: страх — не подумает ли Тереза, что он ее предал? — и горечь от невозможности служить мессу. Однажды накануне праздника Успения Хуан молился, лежа ничком на полу. Вошел приор, отец Мальдонадо, но узник не шелохнулся. “Почему вы не встаете, когда я вхожу?” — возмутился настоятель. Хуан с усилием поднялся. “Я думал, это стражник”. — “И о чем же это вы так глубоко задумались?” — “О том, что завтра праздник Владычицы нашей и что мне очень бы хотелось отслужить мессу”. — “Этого не будет, пока я жив”, — отрезал Мальдонадо и вышел, с грохотом заперев за собой дверь. Хуан, давно вынашивавший мысль о побеге, наконец решает привести ее в исполнение.

Перед побегом Хуан подарил Матеи единственное свое имущество — маленький деревянный крестик с бронзовой фигуркой Христа, который всегда носил под наплечником с левой стороны, у сердца. Матеи не расстался с подарком до конца жизни.

Захватывающую историю побега Хуана де ла Крус можно было бы рассказывать на многих страницах. Как узник разрезал одеяла и связал их наподобие веревки; как ночами изучал здание монастыря и постепенно ослаблял винты в наружном замке таким образом, чтобы тот мог свалиться при толчке изнутри. Как беглец спустился по самодельной веревке, двух метров не достававшей до земли, и, спрыгнув, чудом приземлился в верхке от смертельного обрыва; как долго не мог найти отверстия в ограде и уже готов был вернуться с повинной; как, наконец, сумел забраться на высокую стену и сползти по ней вниз; как до утра скрывался в сенях чужого дома, где его заперли; как, наконец, он вышел и добрался до дверей терезианского монастыря; как его укрывал состоятельный каноник Толедского собора, почитатель Терезы Авильской...

Остановимся на том эпизоде, когда Хуан наконец предстал, изнуренный и оборванный, перед воротами монастыря босоногих кармелиток. Сестры спрятали его во внутренней части монастыря, куда был закрыт доступ посторонним, покормили, щадя истощенный желудок, печеными грушами с корицей, дали старое облачение капеллана, починили одежду. В это время одни монахи Мальдонадо обыскивали церковь и исповедальни, другие — мчали по дорогам, уводящим из Толедо.

В полдень церковь закрыли, и Хуан смог выйти из сестринской части в храм. Высокая решетка отделяла хоры, с внутренней стороны ее сидели

монахини, а с внешней — их духовник. Слабым голосом он читал им стихи, сочиненные в тюрьме. Впоследствии сестра Констанца будет вспоминать: “Он читал нам написанное в тюрьме о Святой Троице, и было небесным наслаждением слушать его”.

Надо сказать, что в терезианских монастырях часто звучали стихи и песни. Тереза любила слушать народные песенки и сама нередко сочиняла нечто подобное, переделывая любовные куплеты на божественный лад: возлюбленный из народной песенки или куртуазного романса становился Женихом Христом, и тексты песен таким образом “освящались” и делались монашескими. Так же поступал и Хуан. Сохранились свидетельства о случаях, когда и Тереза, и Хуан, исполнившись восторга, начинали приплясывать. Как пишет поэт и филолог Дамасо Алонсо, “духовность двух этих удивительных существ держалась на их умении быть испанцами... Оба проживали жизнь своего народа в божественной перспективе”.

В упомянутой выше публикации “ИЛ” есть перевод знаменитых стихов Терезы “Vivo sin vivir en mí” (“Жизнь моя не в радость мне”, в переводе Н. Ванханен). Тот же рефрен народной песенки использовал и Хуан де ла Крус. Это второе стихотворение в нашей подборке. Оба стихотворения посвящены парадоксу христианской жизни: пока человек жив, он может лишь стремиться к Богу, но, чтобы встретиться с Ним, ему нужно умереть, так что земная жизнь похожа на смерть, поскольку в ней нет полноты жизни.

Если Тереза по-женски горюет в разлуке с Женихом, то Хуан перебирает четки богословских аллюзий. В каждой строфе звучит собственная тема, и строфы, несмотря на свою смысловую и ритмическую независимость, последовательно связаны друг с другом, причем в средней, пятой, строфе, появляется тема Евхаристии. Внешне разбросанные строфы следуют внутреннему рисунку — Тайной вечери, с Чашей в центре стола.

Следующее стихотворение в нашей подборке так же строится по принципу “дивинизации”, то есть переключивания светского текста на божественный лад. Это стихи “Звучит рожок над рощей предрассветной”. Здесь переделан на божественный лад не народный, а любовный романс. Заменяв несколько слов и добавив еще одну строфу, Хуан превратил пастушка в распятого Христа, который плачет о душе-пастушке, забывшей Бога. “В поле литературной дивинизации, — писал тот же Дамасо Алонсо, — не существует и не может существовать понятие ‘плагиата’: все служит приумножению жертвы на алтаре”. Хуан, посвятивший мистическому союзу души с Богом множество страниц в прозе и немало в стихах, написал всего одно стихотворение о горечи жизни без Бога, и горечь эта оказалась божественной, а не человеческой. Пастушок Хуана — это Господь горящий. Стихи эти помогают понять и то рвение, с которым миссионеры из различных орденов спешили в новооткрытые земли: они спешили на помощь Богу. Не случайно и сам Хуан захочет отправиться вместе с братьями-кармелитами в Мексику. Этому предприятию помешает смерть поэта.

Впрочем, желание отправиться в Новую Испанию было связано и с тяжелыми гонениями, которым подверглись последователи Терезы уже со стороны своих же “босоногих”. Реформированной ветви кармелитского ордена уда-

лось обособиться в отдельный орден так называемых “босоногих кармелитов”. Во главе нового ордена встал деспотичный честолюбец Николас Дориа. Ближайшие ученики и ученицы Терезы были рассеяны, запрещены в служении, отлучены от причастия. Хуана отстраняют от всех высоких должностей, которые он занимал в ордене, и он поселяется в качестве простого монаха в небольшом монастыре в Сеговии. Здесь он участвует в богослужениях, работает на огороде, наставляет братьев, посещает женский монастырь, где служит и исповедует монахинь (“Всякий раз с его приходом обитель превращается в небесные кущи”, — говорила настоятельница). И пишет стихи “И так высоко поднялся” (четвертое стихотворение в подборке). *Volé tan alto tan alto*: само звучание испанского стиха раздувает легкие, расправляет грудь. Рефрен позволяет ритмически расправлять крылья для каждого сильного взмаха, поднимающего слушателя над несчастьем и бессилием земного бытия. Чем сильнее гонения, тем возвышеннее стихи Хуана де ла Крус.

В 1591 году Хуан заболевает рожистым воспалением: правая нога поражена гнойными ранами. Боль ужасная, но, как и прежде в тюрьме, Хуан не жалуется. Страдание — путь к восхождению на Гору, к Возлюбленному.

Чтобы прийти к тому, что ты любишь,
нужно пройти через то, что ты не любишь.
...
Чтобы стать тем, кто ты не есть,
нужно пройти через то, где ты не был, —

написал Хуан на рисунке, изображающем восхождение на гору Кармель: в основании горы вертикальными тропинками записаны стихи о самоотречении. Уже в юности Хуан испытал и понял, как устроен путь к Богу: этот путь противоположен угождению желанием.

Когда ты остановишь внимание на чем-нибудь,
тогда перестанешь погружаться во Все.

В те времена монахи лечились в монастырских больницах своих орден. Хуан мог отправиться в больницу монастыря в Баэсе, который сам основал и где настоятельствовал его верный ученик, а мог поехать в тот, приютом которого был его давний недоброжелатель, жесткий и своенравный Франсиско Хрисостомо, про которого говорили: “Не имея милосердия, он пытается палкой загнать других на высоты совершенства”. Хуан выбирает болеть и умереть под началом Хрисостомо, он едет в городок с говорящим для русского уха названием — Убеда.

Последние полтора месяца жизни Иоанна Креста напоминают его тюремное заточение: та же теснота, гонения настоятеля (различные ограничения и упреки), истязания хирургов (врач вырезал целые куски плоти из больной ноги, в день набиралось по 5—6 чашек с гноем). Воспаление постепенно охватило спину Хуана. К потолку привесили веревку, и, держась за нее, Хуан мог немного двигаться на постели. Он мало говорил, лишь изредка из его уст доносились слова молитв и стихи из Писания. Свидетели сохранили такую фразу: “Больше терпения, больше любви и больше болезней”.

Чудесный побег теперь невозможен. Как тогда в Толедо он тосковал без службы, так и теперь рвется совершить ее, но уже на небесах: в полночь с 13 на 14 декабря монастырский колокол зовет к заутрене. Со словами: “Слава Богу, я отправляюсь служить заутреню на небеса”, — Хуан скончался.

* * *

По просьбе своих духовных дочерей, Хуан написал несколько больших трактатов, в которых истолковал собственные стихи. На стихотворение “Однажды ночью темной” (последнее в нашей подборке) были написаны трактаты “Восхождение на гору Кармель” и “Темная ночь” — оба остались незавершенными. К одному только первому стиху из сорока Хуан написал целых тринадцать глав толкования, где обстоятельно рассказывает о тех этапах и препятствиях, связанных с самоотречением, которые следует преодолеть душе, чтобы научиться “легко бежать к Богу вверх по лестнице”. Легкий этот бег проходит в “темной страшной ночи души”, в которой душа обретает и любовь, и Любимого, и самое себя. В “мистических” сочинениях Хуна звучат не безумные экстатические песни — но глубокие и полные красоты рассказы о высоком призвании человека.

Поэтическое наследие Хуана де ла Крус невелико: всего два десятка стихотворений, из которых лишь пять можно назвать самостоятельными шедеврами, далеко отстоящими от первоисточников — библейских текстов, народных песен, светской любовной лирики. Названный в Испании королем и покровителем поэтов, сам он не считал себя поэтом и к своим стихам относился как к снадобью, способному помочь его духовным чадам в унынии и увлечь их идеалом богообщения. Именно по этой причине до конца XIX века его стихи были известны лишь в среде кармелитов, пока не оказались в поле зрения испанских эрудитов и литераторов, сразу вызвав восторг, граничащий с благоговением. В России сейчас идет сходный процесс: известный сначала в католических кругах, где имеются переводы некоторых трактатов и стихотворений (особенно заметна роль Ларисы Винарковой), Хуан де ла Крус постепенно выходит и к широкому читателю, и исконное его имя — Иоанн Креста — уже вытесняет прежнее — Хуан де ла Крус.

Тому, кто полюбит его, достанется щедрое вознаграждение — чистый звук, тончайшая красота неземного знания, поэзия, ставшая таинством (стихи, говоря о ночи, темнеют, говоря о свете — сияют, колышутся), образ рыцаря в белой рясе с капюшоном, неотступно следующего за своим идеалом. Южная ночная прохлада окутывает встречу этой мужественной души с ее Возлюбленным.